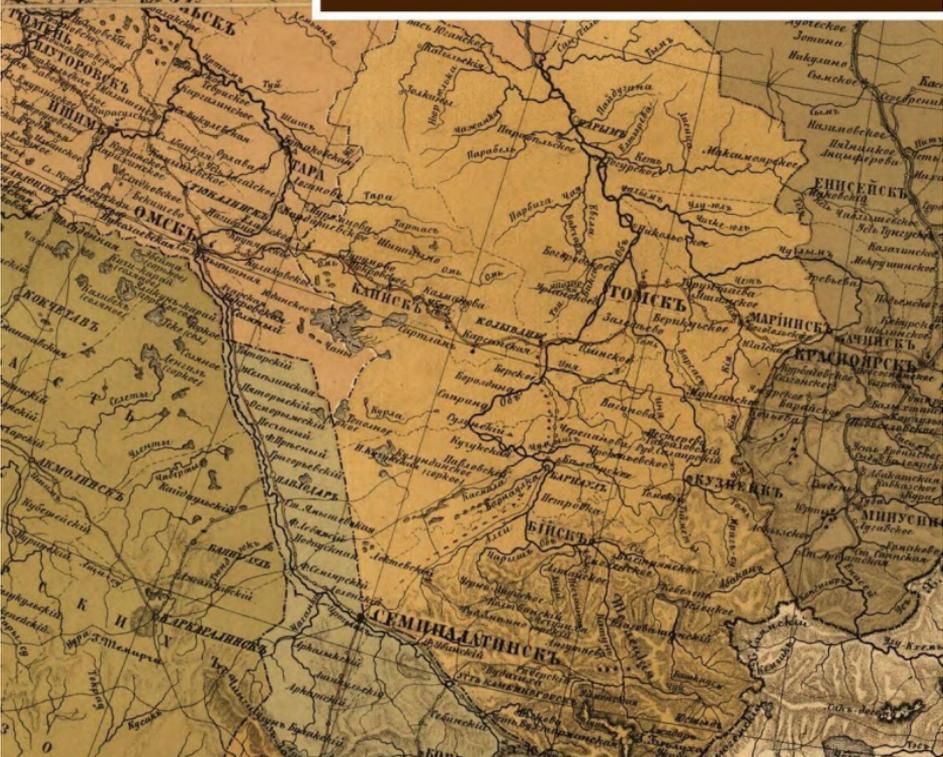

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ ШАРАПОВ

НЕ В КАНЗАСЕ

СТИХИ ИЗ СИБИРИ

Вадим Викторович Шарапов

Не в Канзасе. Стихи из Сибири

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10316450

ISBN 9785447411084

Аннотация

Мы уже не в Канзасе, Элли, прикинь? И стихи здесь собраны тоже не про Канзас. Они родом из Сибири. Там всем хватает места. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Не в Канзасе	5
Джек и Джилл	7
Оставившая следы	9
Лета, считай, как не было...	10
Иногда	11
Оглянуться – плохая примета...	12
Ветер	13
Весеннее	15
Четыре города	16
Красноярск	18
Ожидание	19
Каждый сотрется из памяти	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Не в Канзасе Стихи из Сибири

**Вадим Викторович
Шарапов**

Фотограф Радомира Цыганкова

© Вадим Викторович Шарапов, 2020

© Радомира Цыганкова, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4474-1108-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не в Канзасе

Мы уже не в Канзасе, Элли, прикинь?
Мы, похоже, надолго теперь не в Канзасе.
Ты давай-ка, на плечи куртку накинь,
Здесь дожди и ветрище на чертовой трассе.
Если хочешь, там фляжка в кармане, глотни,
Не стесняйся, нам дальше топтать и топтать.
Верстовые столбы, опустевшие дни —
И на желтой дороге, куда ни взгляни,
Твои слезы вплавляются в копоть.

Мы уже не в Канзасе. Вон домик твой,
Как набор «Сделай сам» – доски и черепица.
У Тоточки по-прежнему хвост трубой.
Что скотине? Хозяйка накормит пищей.
Не смотри за плечо, потому что взгляд
Должен быть обращен туда, где пустыня
Переходит в небо, как говорят.
Впрочем, ты-то можешь пойти назад,
Только сзади Канзаса нет и в помине.

Тот, кто делал волшебные башмачки,
Не провел тест-драйв по камням и скалам.
Говоришь, что спасения нет от тоски?
Ничего, зато от чумы – навалом.

Изумрудный город (ты слышишь, Эль?)
Превратился в мираж или что-то вроде,
Так что ну его к черту. Зато поверь:
Через пять или шесть вот таких недель
Мы дойдем в Канзас при любой погоде.

Джек и Джилл

Джек и Джилл не встречали друг друга уже девятнадцать сезонов дождей.

Джек стал черным от солнца и жестким от горя, он ищет ее день и ночь.

«Где ты? – шепчет сухими губами во сне. – Почему сторишься людей?»

Джилл молчит в каждом сне, тает в дымке, и вновь ускользает стремительно прочь.

Джек бродил от Аламо до стылых равнин, где мешается лед со слюной,

Пил такое, что пить никому не годится из ныне живущих людей.

Кобура под рукой, шесть смертей в кобуре (Джилл, родная, останься со мной!),

И улыбка такая, что лучше давай, объезжай даже самый злодей.

Джилл не видно. Но голос звенит в тишине, серебром отдается в груди.

«Джек, скорее! Я здесь, я одна в темноте, без тебя я совсем никуда!»

Девятнадцать холодных, как бритва, дождей размывают следы позади,

И серебряный голос магнитом ведет, он надежней любого следа.

Джек и Джилл повстречались на самом краю, там, где сходятся грани миров,

Там не место для стали и крови его – но успел ее руку поймать.

«Где ты был?» – это Джилл. «Я искал», – это Джек.

«Хорошо, что остался здоров».

Остальное – друг другу глазами, без слов.

Как еще про такое сказать?

Оставившая следы

Она уходила с дождями. Я просто смотрел ей вслед.
Она размывалась тенями, скользила среди воды.
А я оставался ждать ее, я жду уже сотни лет,
Я знаю, она вернется – оставившая следы.

Она разбежалась пожаром сквозь вереск и сухостой,
Кричала, как птичья стая – на разные голоса.
Я мрак под закрытыми веками, я воспоминания той,
Которую знал, но не помню, какого оттенка глаза.

Я стал тополиным пухом, просвечивая насквозь.
Рассыпался на песчинки, где каждая ждет ее —
Я стертая временем память с надеждою на авось,
Невыстрелившее в спектакле заряженное ружье.

Она управляет штормами среди ледяных морей,
Танцует на горных кручах, с богами к руке рука.
Я буду живой в минуту, когда повстречаюсь с ней
В краю, где застыло время,
Спрессованное в облака.

Лета, считай, как не было...

Лета, считай, как не было. Вечная мерзлота
Стала еще поближе к нам, этак шагов на пять.
Шутка про потепление нынче уже не та,
Если и потеплело где, в Сибири не увидеть.

Вроде еще и лето, но – осень идет в патруль,
Стены домов корябает злой дождевой наждак.
Словишь лицом эти капли, очередь стылых пуль
И замираешь замертво, думая, как же так.

Хочется то ли по соточке, то ли упасть в полынь,
Чтоб на всю зиму затариться горечью на губах.
Русскому не получается впасть в иноземный сплин,
Проще крест-накрест рубаху, да где напасться рубах?

Тянет откуда-то холодом с ночи и дотемна,
Чудится посвист, как будто бы гаммельнский крысолов
Водит за тихой дудочкой. Это в груди струна,
Ветер звенит-играется.
Ветру не нужно слов.

Иногда

Иногда я пою. Ты не слышишь, и это не радует.
Жизнь пора бы давно перестать подвергать сомнению.
Надо мной в тишине, чуть повыше нечеткой радуги
Пролетают планеты и всякие там скопления.

Ось галактики вертится. Что мне с такого знания?
Вместе с миром лечу по маршруту без возвращения.
Ты пьешь чай и поёшь, забывая на переживания,
Вся живая и яркая. И никакого смущения.

Горло сжато словами, кошачьими мягкими лапами,
Я иду к тебе снова – на ощупь, без компаса с картами,
Сердце бьет метрономом, дорожными злыми ухабами...
Все в порядке.
Все правильно.
Звезды в лицо – миллиардами.

Оглянуться – плохая примета...

Оглянуться – плохая примета. Легко не успеть
На автобус, который уходит в обратный путь.
Мир как старое фото. Вместо неба – красная медь,
Воздух полон дождем так, что кажется, не вдохнуть.
Первый шаг по сырому асфальту, поход налегке,
Отдающийся звоном подков на твоих сапогах.
Вместо солнца китайский фонарик зажат в кулаке,
Все как было, но если подумать – то все не так.
Если верить в автобус, тогда он конечно придет,
Скрипнет дверью, поманит шофером, подаст билет.
Если верить... А если не веришь, тогда вперед,
Меряй тропы шагами, жди поезд, которого нет.
Оглянуться – надежный способ сойти с пути,
Оторваться от Дикой Охоты за левым плечом...
Остановка. Смотри. Небо рушится там, впереди,
С красной медью осколков.
Но тебе уже все нипочем.

Ветер

А.

Расскажи-ка мне сказку, ветер,
Не спеша, обо всем на свете.
О побеге и о возвращении,
О бессоннице и о прощении.
О любви и большой удаче —
Ну, а как же еще иначе?

Расскажи мне всю правду, ветер,
Как срываются двери с петель,
Как влюбленные спят в обнимку
Укрываясь рассветной дымкой.
Как сухими глазами плачут,
Ну, а как же еще иначе?

Расскажи мне скорее, ветер
Про того, кто за всех в ответе.
Как зовут его, где он ходит,
С кем он ночи и дни проводит.
Он ведь бог, это что-то значит.
Ну, а как же еще иначе?

А когда ты мне все расскажешь,

Легким смерчем в пыли пропляшешь —
Ты со мной помолчи немного,
Задержись на моем пороге.
Видишь, я ничего не прячу.
Да и может ли быть иначе?

Весеннее

Андариэль мертва. Караван идет в Лут Голейн.
Завтра командеру Шепарду обратно на Цитадель.
Выплесни из стакана остатки и вновь налей,
Слушай, как за окном весна играет ночную капель.

Улицы Сайлент Хилла опять затянул туман.
Где-то в тумане Алесса кричит из последних сил.
На «Ишимуре» не спится Айзеку Кларку – пьян,
Вертит в руках фотографию той, для которой жил.

Андариэль мертва. Караван отмеряет дни.
Только Дюк Ньюкем форевер, ему никого не жаль.
Шепард с кошмаром борется, комкая простыни,
А за окном галактика вертит свою спираль.

Нет. Ничего не кончается. Слышишь? Зовет туман.
Пепел пустого города, угли звездных полей...
Полный форсаж, «Нормандия»! На мостике капитан!
Курс... тут уж как получится.
Можно и в Лут Голейн.

Четыре города

Я пил и пел. Я знал немногих женщин,
И много больше знал чужих гитар.
Я уходил, забывчив и беспечен
И возвращался, с корабля на бал.

Курил ночами в тамбурах вагонов,
Дыша в обледеневшее стекло.
И множество ночей, порой бессонных
Сквозь мои пальцы водкой протекло.

Хронически удачей обделенный,
Менял дома, углы и города...
И как обычно, десять раз влюбленный,
«Всегда» я путал с «больше никогда».

Сбивая трассой каблуки ботинок,
Метался, замыкая путь в кольцо.
И жизнь, нелепой россыпью картинок,
Швырял сибирский ветер мне в лицо.

Тюмень учила жить. Омск штопал раны.
Брат-Новосиб встречал и провожал.
И Красноярск сквозь стылые туманы
Спасал меня и за руку держал.

Четыре города. И расстоянья между,
Где каждый вздох я помню наизусть.
Вы много раз давали мне надежду —
Мне нечем отдарить.
Но я вернусь.

Красноярск

Послевкусие. Ветер в моей руке.
Словно камень, катящийся к Енисею,
Я забыл все слова на своем языке.
Я хочу рассказать, но так не умею.

Глубже вдох. Пусть воздух легкие рвет.
Это вкус Сибири, бог всякой сласти.
Под ногами город, и сердце жмет
Тело, будто стакан, перелитый счастьем.

Послезвучие. Город глядит в глаза,
Ледяными зрачками вращая в душу.
Красноярск, красно-ярые небеса —
Я вернулся.
Брось ногу на тормоза,
Подожди чуть-чуть. Покури. Послушай.

Ожидание

Ожидание марта легко начинать в декабре,
С каждой новой метелью весна придвигается ближе.
Ты молчишь, грея пальцы над кружкой. А знаешь, я слышу
твое сердце. Стучит где-то рядом, в соседнем дворе.

Ожидание дома – похоже на поезд метро,
Перезвон запоздалых колес на ночных перегонах.
За подкладкой пальто завалился десяток патронов,
Или просто билеты. Сегодня тебе повезло.

Без тебя тяжело, но с тобой тяжелее стократ.
Я привык в одиночку – не радуется, но интересно...
Возвращаясь из дальних краев, я скажу тебе честно —
Что-то там мне дороже, чем истина, друг мой Сократ.

Ожиданием чуда легко заполняется день.
Даже тучи по графику, нам ли пенять на погоду?
Я тебе позвоню на неделе ближайшего года,
и скажу: «Приготовься. К тебе возвращается тень».

Каждый сотрется из памяти

Каждый сотрется из памяти, это просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.